

Цзиньаньская народная больница. Шань Шэнъян остановился у дверей палаты, натянул на лицо радостную улыбку и только тогда вошел внутрь.

— Сяо Ши, братик снова пришел тебя навестить, — произнес он, глядя на бледную девушку, лежавшую на больничной койке.

Шань Шэнши радостно подняла голову, ее лицо выражало крайнее удивление:

— Братик, почему ты снова пришел?

— Не хочешь, чтобы я тебя навещал? — Шань Шэнъян подошел ближе. — Я просто заезжал домой за вещами. В этот раз останусь в больнице подольше, чтобы побыть с тобой.

У Шань Шэнши была лейкемия, она лежала в больнице уже год.

— Правда? Как здорово! — Шэнши была вне себя от радости.

Из-за химиотерапии она лишилась волос и теперь носила шапочку.

— Чуть не забыла спросить, Жун И не обижал тебя? — поинтересовалась она.

— Неужели твой брат настолько слабак? — Шань Шэнъян ласково взъерошил ее волосы, одарив заботливой улыбкой.

Сестра еще не знала обо всем, что натворил Жун И. Она была уверена лишь в том, что родители попали в тюрьму из-за какой-то пустяковой неприятности.

— Ну и хорошо.

Небо постепенно темнело, и город погружался в безумный ночной ритм, столь любимый молодежью.

В караоке-клубе Е Ясюань Жун И пил с друзьями и пел песни. Цзян Фэйлинь, обнимавший за талию красивого юношу, посмотрел на пустое место рядом с Жун И и поддразнил его:

— Не хочешь себе кого-нибудь позвать?

— Нет, дома есть свой, почище, — Жун И затянулся сигаретой, его тонкие сильные пальцы

выглядели безупречно.

— Ты, кажется, с самого начала был верен только одному? Пользуешься им уже год и до сих пор не надоело? — Цзян Фэйлинь не мог в это поверить.

— Надоело, просто лень искать нового, — равнодушно бросил Жун И.

Именно поэтому он до сих пор не развелся с Шань Шэнъяном после того, как прибрал к рукам компанию семьи Шань.

Вспомнив об этом, Жун И невольно подумал о том, что днем Шань Шэнъян заговорил о разводе, и на душе у него стало как-то беспокойно. Он решил, что это из-за слишком громкой музыки, и потянулся к пульту, чтобы убавить звук. Однако неприятное чувство никуда не делось, и вскоре его стало невозможно игнорировать.

В этот момент Цзян Фэйлинь поднял бокал, предлагая выпить, и Жун И залпом осушил остатки вина. Алкоголь притупил странное беспокойство, и он быстро выбросил эти мысли из головы.

Время шло, и к одиннадцати часам вечера Жун И вернулся домой.

Темная и безмолвная вилла заставила его слегка нахмуриться — он остался недоволен. Включив свет в гостиной, он опустился на диван и тут же заметил лежащий на журнальном столике документ о разводе.

Его глаза потемнели, он издал холодный смешок, достал телефон и набрал номер:

— Устройте-ка там в тюрьме «теплый прием» тем двоим.

Сбросив вызов, Жун И взял бумаги, смял их в комок и швырнул в корзину для мусора.

— Это все ваша семейка мне задолжала!

Закончив с этим, он остался сидеть на диване. Пустая вилла казалась пугающе тихой, и от выпитого алкоголя виски начали пульсировать от боли. У него были мигрени, которые становились невыносимыми после спиртного.

Жун И, массируя виски, поднялся и направился на кухню, но, войдя туда, понял, что совершенно не умеет готовить отрезвляющий суп. Раньше, когда у него болела голова от выпивки, это всегда делал Шань Шэнъян.

При этой мысли лицо Жун И стало еще мрачнее. Он с ледяным выражением достал телефон и

позвонил Шань Шэнъяну. Едва на том конце сняли трубку, Жун И прорычал:

— У тебя есть полчаса, чтобы приползти сюда.

Едва он закончил фразу, связь оборвалась. На лбу Жун И запульсировала вена — гнев заставил голову болеть еще сильнее. Сдерживая желание разбить телефон, он снова набрал номер и, прежде чем Шань Шэнъян успел сбросить, пригрозил:

— Если не хочешь, чтобы твоя сестра лишилась лечения, попробуй только положить трубку.

<http://bllate.org/book/18691/1806287>